
ВАЛЕНТИН ЛУКАШЕВИЧ

Образ еврея в латгальской словесности

Говорить о евреях, их роли в истории Латвии, отражении в различных дискурсах — публицистике, художественной литературе и прочих — невероятно тяжело, тем более если собираешься писать научную статью. Претендуя на честное, объективное исследование, проблематично, почти невозможно абстрагироваться от понятий, терминов, метафор, которыми проникнуто наше сознание на протяжении последней пары столетий.

«Корень всех несчастий», «паразиты мира», «кривоносые», «йоськины гешефты» — подобные словосочетания и сегодня встречаются в интернет-комментариях, а до «эпохи политкорректности» такие и подобные выражения можно было прочесть и в книгах, и в газетах. Более или менее неполиткорректными, если прошлое мерить сегодняшним аршином, были все участвовавшие в дискуссиях-переругиваниях стороны.

Бесспорно, что Холокост, особенно на территориях, где он происходил, влияет на сознание исследователей, изучающих еврейскую диаспору в любом ракурсе — начиная с политической и хозяйственной истории и заканчивая этнографией и фольклором. Автору почти всегда приходится разъяснять свою позицию, для этого необходим методологический комментарий, подобный моему здесь — ответственность всегда индивидуальна, она никогда не может быть коллективной; нет плохих и хороших народов, они только и единственно — разные (в традициях, хозяйствовании, ментальности и т.д.); об ошибках прошлого надо говорить, потому что только так мы можем учиться у прошлого (хотя и говорят, что человек учится только на своих прошлых ошибках); исследователь должен уметь отличать конъюнктуру от актуальности, конъюнктуру от мейнстрима.

В латгальской прессе первая опубликованная культурно-историческая информация о местных евреях, их занятиях, особенностях характера не особо дипломатична, хотя и не тенденциозна, указывает не только на негатив:

«Еще у нас есть один народ, который населяет наши города и местечки. Это евреи. Евреи латышам так хорошо известны, что надо по-

смотреть и на давние времена и спросить: откуда они пришли? Евреи у нас появились в те времена, когда наша Латвия была под польским владычеством. Нигде в мир нет такого множества евреев, как в старинных землях Польского королевства. В свое время, когда евреев всюду преследовали, польский король (царь) Казимир принял их в своем государстве. Евреи пришли со своим капиталом, оказались хорошими торговцами, и в скором времени начали жить хорошо. Работать на земле евреи не умеют, и не особо им земледелие и нравится, их первое занятие — торговля, поэтому все торговцы у нас евреи. Ни латыш, ни русский у нас так не преуспел в торговых делах, как еврей. Среди евреев не видишь ни пьяниц, ни воров, мало и хулиганов. У каждого еврея первейшая и последняя мечта — скопить денег и стать купцом. У еврея много энергии и выдержки для своего занятия, поэтому мы видим, что там, где христианин не сможет прокормиться, еврей в общем-то живет хорошо и еще накапливает имущество. У евреев мы могли бы взять не один хороший пример для подражания» [Kaidas tautas 1906].

У слова «žīds/žejds/žejds» в латгальском языке нет негативной коннотации. Это заимствование из польского, в котором слово «Żyd» до сего дня остается единственным обозначением этого народа.

Более развернуто, в стиле и риторике, характерных для ранней латгальской интеллигенции, о евреях в Латгалии пишет Франц Кемпс в своей книге культурно-исторических очерков «Латгальцы» (1910), которая была написана на литературном латышском языке и адресована латышам Курляндской и Лифляндской губерний.

«Из других народов в Латгалии находится большое количество евреев. Во всех городах и местечках живет в основном этот народ. Почти 80-90 процентов жителей там евреи. Витебская губерния, как провинция старой Польши, было заполонена евреями уже в польские времена, поэтому и русское правительство всю Витебскую губернию включило в черту еврейской оседлости. <...> Латгальцы с евреями не находятся ни в какой моральной связи. Между обоими народами существуют только экономические взаимоотношения, потому что в руках евреев здесь находится вся торговля и, частично, ремесло. Подлинно райская жизнь здесь для еврейских торговцев. Темный, неорганизованный латгальский крестьянин обманывается сынами Израиля самым грубым образом. Торговцы его высасывают подделкой товаров и мер, ростовщики — огромными процентами. До последних лет в Латгалии не было ни одной ссудо-сбергательной кассы. Все мелкие

кредитные операции находились в руках евреев, и они это использовали самым безжалостным образом: от 40 до 50 процентов здесь отнюдь не были редкостью, латгальцы привыкли к столько высокой ставке. <...> Заметив более живое движение латгальцев по пути экономического развития, и евреи основывают свои ссудо-сберегательные кассы на тех же самых основаниях, что и латгальцы: казна дает пособие в виде заема, и инспектор мелкого кредита проводит ревизию операций кредитных обществ. Что касается внутренней жизни здешних евреев, то они крепко держатся своей старинной веры и народных обычаев. Они говорят на обычном жаргоне и строго соблюдают свои «шабасы», так что по субботам все лавки закрыты и торговля почти прекращается во всех городах и местечках Латгалии. Некоторое народное движение в последние годы заметно и у евреев. Они часто читают издаваемые на жаргоне газеты и в городах устраивают театральные представления. Молодое поколение евреев сильно увлечено политическими вопросами, читает русские прогрессивные газеты и брошюры и разговаривает чаще по-русски, чем по-еврейски. Но это поверхностное обрусение евреев не имеет никакого серьезного значения: талмуд (sic!), кровь расы и своеобразные традиции спасают их от любых опасностей, грозящих их нации. Даже самый распоследний еврейчик-торговец, который всю неделю бродит по деревням с грузом мелочевки за спиной, терпеливо сносит насмешки, шутки селян, проклятия и побои, даже такой маленький человек накануне субботы возвращается в свой бедный домишко, надевает праздничное платье и в кругу семьи торжественно устраивает шабасный ужин. При всей своей бедности он все же осознает себя членом избранного народа и родоначальником грядущего избавителя (sic!). Пьяницы и нищие бродяги среди евреев в Латгалии не встречаются, все они торговцы и ремесленники, а как они кормятся со своих жалких лавчонок и столь же жалких портняжных и сапожных дел — тут есть чем восхищаться: ни один христианин в столь стесненных условиях не смог бы жить и содержать семью» [Kemps 1910: 44–45].

Латгальская словесность никогда не была особенно комплиментарна к евреям, чаще всего отношение к евреям можно характеризовать словами «другой», «чужой», «незнакомый», «вызывающий опасения». Но нельзя сказать, что литература и публицистика были как-то особенно, воинственно агрессивны, призывали к насилию, как это нередко бывало не только в подтексте, но и напрямую говорилось в черносотенных изданиях.

Возможно, что это параллельное сосуществование латгальцев и евреев, взаимную подозрительность точнее всего можно охарактеризовать через ментальные феномены, и тут самое точное слово, наверное, будет «фобия».

У юдофобии латгальцев было две главных причины: 1) религиозная неприязнь к народу, который «распял» Иисуса Христа; 2) хозяйственные соображения — конкуренция, а нередко и зависть к богатым евреям.

Размышляя о первой причине, хотелось бы напомнить, что только во время понтификата Папы Римского Иоанна XXIII произошел II Ватиканский собор, «где при его содействии была принята резолюция, снимавшая с большинства евреев — современников Йешу — и со всех последующих поколений евреев обвинения в «деициде» — убийстве Б-га» [Телушкин 1998: 404].

В связи со второй причиной иллюстративен следующий пример. Резекненский католический священник Никодемс Ранцанс в 1911 году издал книжку «Пчеловодство». Во введении там, среди прочего, говорится: «Мы, как уж христиане, используем восковые свечи, которые, можно сказать, сопровождают нас от колыбели и до могилы. Эти свечи мы иногда покупаем у евреев. Не было бы лучше самим их делать и, принеся в церковь, жертвовать там всемогущему Богу, без чьей помощи никогда не можем обойтись. Как горяча была бы тогда молитва такого пчеловода на Св. Мессе, когда б горели на алтаре его свечи... У хорошего пчеловода каждый улей может принести за лето до 20 рублей, и 10 ульев принесли бы ему 200 рублей чистого дохода» [Rancāns 1911: 3–4].

В работах отдельных латгальских литераторов звучат и юдофобские нотки [см. напр. Skaidrite 1913, Salinīks 1943: 104–113 и др.].

В рассказе «Ицек и Шмулька» уже упомянутый Никодемс Ранцанс (под псевдонимом К. Бремс) собирает чуть ли не все юдофобские стереотипы: «Въезжаю уже в последнее местечко, недалеко от деревни Напрашки. Тут мне, хочешь-не хочешь, пришлось переночевать в чайной у одного еврея.

Уставши с дороги, я вскоре уснул, и, возможно, сильно храпел, потому что, проснувшись, слышу через тонкую и дырявую дощатую стену, как еврейка пилит своего мужа Ицку:

— И зачем ты пустил этого дурака-гоя, он никому спать не дает, храпит, как сумасшедший.

Тогда я, еще сильнее похрапев какое-то время, стал слушать, о чем эти евреи говорят. Боюсь, как бы не зарезали меня для своей мацы.

Двери постоянно хлопали. Было слышно, как кто-то заходит и выходит.

— Гут морген, Ицке! — кто-то здоровается с моим хозяином.

— Здравствуйте, господин Шмуль! Я теперь латвийский подданный и говорю только по-латышки.

— Моисей тебе господин, а у меня еще литовский, русский, польский, немецкий и эстонский паспорта. Едь, куда хочешь, и проворачивай дела.

— Уй, вей, Шмульке! Как ты смог так сделать?

— Еврейчик все сможет сделать, проше, пана Ицке! — и оба еврея начали смеяться.

— Сколько стоит лен, Шмульке?

— Ты лучше спроси, сколько еврейчик за него даст. Правительство хотело взять монополию в свои руки и совсем евреев отстранить. Ну и что из этого вышло? Без еврейчика — ни с места.

— Пункт приема льна без Ицки-Шмульки — смешное дело.

— Сколько мы дадим этим латышам за зерно, скот?

— Надо созвать кагал и решить, чтобы эти гои работали на нас.

Тут начала лаять собака еврея.

— Татэ, татэ, гевалт! Уже разбойники лезут! — кричит, проснувшись, маленький Абрамке.

— Сорэ, глянь в окно, — говорит Ицек

— Уй, вей! Мне страшно! Сам голову суй.

Делать нечего. Ицек высунул голову в окно и тут же втянул назад.

— Тьфу, мисюгине! Это дурак Микель спит, как пьяная свинья, у нас под окном, а Британе подошла, его немного обрызгала, и теперь перестала лаять.

— Закрывай окна, — говорит Шмуль. — Сегодня шабас, надо выпить немного водки. Евреи не латыши, много не пьют.

Тут они опять начинают — хэр, хэр — говорить о том, что можно еще выше поднять цены на фабричные товары и ниже сбить цену на зерно. Латыши, дескать, все заплатят. Иному покажи бутылку, так он уже готов тут же продать свою жену, детей, лошадь и себя самого. А попробуй, говорят, у меня моего отца забрать.

Тут еврей показал в мою сторону свой кулак, который я ясно видел сквозь щель.

Хотя евреи говорят, что они не скоты-латыши, много не пьют, но и им даже малое количество дает в голову.

Особенно этот Шмуль, у которого множество паспортов, все время понукал Ицку:

— Ицке, налей немного-немного водки. — Тогда в конце концов он начал уже мурлыкать под нос какой-то еврейский мотивчик, в котором часто повторялись слова:

— Зог, зог, зог (Скажи, скажи, скажи).

Ицек кричит: — Гут, гут! Начнем кадрили!

Я, не видевший еще никогда такой кадрили, еще плотнее приник к щели.

Вижу, что вышли в середину комнаты Ицек и Шмулька. Один и другой вытянули вперед обе руки, причем так, что руки Ицка были сверху, а Шмульки снизу. Тогда, держась пальцами за рукава возле плечей, выставили один и второй свою правую ногу и начали прыгать, меняя ноги: левая с левой, правая с правой.

В то же время, вертя головы в одну и другую сторону, начали петь:

Ицке, Шмульке,

Зог, зог, зог!

Ицке, Шмульке,

Зог, зог, зог!

.....

И так без конца.

Это прыганье сначала было серьезным, медленным, так же как и мелодия, а дальше все скорее и скорее. У евреев уже начали трястись цицелес, пейсы, лапсердаки, длинные пальто обоих. Ермолки упали с голов. Вспотели, бедные, будто за тяжким трудом. Задыхался Ицек, а Шмульке еще больше.

Вместо мелодии уже были слышны только быстрые выкрики: зог, зог, зог!... Сорэ и Хайка, глядя на это, корчась от смеха повалились на землю.

Наконец оба плясуна, совершенно устав, рухнули на скамейку, и, вытирая пот со лба, один другому сказал:

— Уй, вей! Как же хорошо и весело живет евреям в этой Латгалии!» [Brems 2002: 64–67].

Объективности ради надо сказать, что Никодемс Ранцанс всю эту маленькую книжку, в десять рассказиков, написал в юмористическом стиле; рассказ «Ицек и Шмулька» — один из них, в других рассказах столь же остро и саркастично автор иронизирует над слабостями и грехами своих соплеменников и братьев по вере. Гипер-

бола и ирония, лаконичность и однозначность — любимые приемы Никодемса Ранцанса как публициста и прозаика, хотя их содержательное наполнение, особенно на сегодняшний взгляд, может вызвать осуждение.

В латгальской словесности сохранились свидетельства и о таких случаях, которые позволяют увидеть совершенно другое отношение, другой образ взаимодействия между латгальцами и живущими в Латгалии евреями: «Из Лудзы пришла весть, что незадолго перед Рождеством “черная сотня” хотела напасть на лудзенских евреев, избить их и разграбить лавки. К “черной сотне”, как известно, не принадлежит ни один порядочный латыш. Среди “черносотенцев” мы находим всяких всесветных бродяг, босяков, воров, которыми руководят такие “умные” люди, которым не по нраву народное движение и все те свободы, которые недавно были даны. Черная сотня¹ спокойно получает всякое оружие, хотя у других людей полиция отбирает все винтовки и револьверы.

В известный день было решено “бить жидов”. Черной сотни в Лудзу пришло много, и к вечеру уже бы началось пролитие невинной крови. Окрестные католики-латыши, узнав об этом, в большом количестве съехались в Лудзу и остались до позднего вечера. Латыши объявили “черной сотне”, что избиения евреев не допустят, потому как евреи такие же люди, как все прочие. Латышей в Лудзу съехалось больше, чем черносотенцев, и те поняли, что с латышами шутки плохи.

Так замысел “черной сотни” не был приведен в исполнение, и они, поругавшись с латышами, разбрелись по своим темным углам» [Ejs vords 1906].

Это не единственный пример, когда можно говорить о гуманизме, солидарности, взаимопонимании и взаимопомощи между латгальцами и евреями. Еще важнее, что это происходило в реальной жизни, потому как в публицистике и беллетристике нередко главная роль принадлежит риторике и эффектам.

И в латгальской художественной литературе, и в других видах искусства есть примеры такого толерантного, уважительного взаимоотношения. Впрочем, надо добавить, что чем ближе произведение искусства к нашим временам, тем больше таких случаев. Многим ярко запомнился, например, еврейский лавочник из фильма Яниса Стрейчса «Дитя человеческое» (1991), снятого по мотивам прозы Яниса Клитзейса.

¹ В оригинальном тексте статьи «черная сотня» пишется как в кавычках, так и без.

Таков вкратце, в иллюстративных, общих чертах, обзор образа еврея в латгальской словесности. В этой статье зафиксированы и процитированы наиболее значимые, ярче всего характеризующие ситуацию тексты, которые можно назвать ключевыми для заявленной темы. Разумеется, они не единственные, есть целый ряд других, которые при большем объеме и несколько другом ракурсе исследования были бы достойны цитирования и анализа, но об этом более развернуто и детализированно будет написано в моей будущей монографии «Народы и культуры в Латгалии».

Литература

- Brems 2002 — Brems K. Ceļojums pa Latgolu. Rēzekne: Latgolas Kulturas centra izdevnīceiba, 2002.
- Ejs vòrds 1906 — Ejs vòrds par židim // Gaisma. 1906. 21.janw. № 5. 3.lpp.
- Kaidas tautas 1906 — Kaidas tautas dzejwoj pi mums// Gaisma. 1906. 09.mar. № 12. 1.lpp.
- Kemps 1910 — Kemps Fr. Latgalieši. Kultur-vēsturiska skice. — Rīga: [b.izd.], 1910.
- Rancāns 1911 — Rancāns N. Bišu kūpšona. Rēzekne: Izdewe Wiliakas Dekans Bazn. J. Jassas, 1911.
- Salinīks 1943 — Salinīks E. Salyuzis smaids // Olūts. Rokstu krājums. I. / Red. Vl. Lōčs-Vaideāns. Daugavpils: Vl. Lōča izdevnīceiba, 1943.
- Skaidrite 1913 — Skaidrite. Pymì gaili // Jaunas Zinias. 1913. 22.febr. № 11. 6.-8.lpp.
- Телушкин 1998 — Телушкин Й. Еврейский мир. Москва–Иерусалим: Erug, 1998.

Перевод с латышского Ильи Ленского